

Василек, (так впоследствии, до самой смерти, звала голубоглазого парнишку его любимая бабушка), был ребенком послевоенным, плодом истосковавшейся за войну плоти, дитем желанным и долгожданным. Его отец, Семен Завьялов с войны задержался, домой пришел только глубокой осенью победного года. Задержался из-за тяжелого ранения и контузии, что получил в апреле сорок пятого на подступах к Кенигсбергу в Восточной Пруссии. В конце лета сорок шестого, в самую сенокосную страду, появился на свет божий, сын, наследник. Правда, это был не первый ребенок в семье солдата. Был у Семена уже сын, он родился перед самой войной и умер в четыре года от скарлатины, когда отец его бил врага на фронте. Жена Наталка долго не сообщала мужу горестную весть, тяжело и так было солдату в военное лихо. Поэтому рождение мальчонки в семье и во всей родове завьяловской было встречено с огромной радостью. Семен принес жене с покоса целую охапку полевых цветов и, став у кровати супруги на колени, расплакался. За столом в субботний день, когда, управившись с делами, родня собралась по обычаю отметить прибавку в руду, Семен тихо сказал:

— Василием назовем сына в честь солдата — героя, брата моего младшего, что голову сложил под Сталинградом. Пусть парень гордо носит имя защитника родины. Память опять же!

Время послевоенное, известно, не мед. Всем тяжело было. Хрустели порой косточки от работы, но дюжили люди, верой жили. Несладко было и ребятам. Васятка рос толковым, рукастым мальчишкой. Подрастая, становился хорошим помощником родителям, которым больше не дал Бог детей. Надорвалась Наталка на работах тяжелых сельских, часто болела.

1.

Сразу после школы Вася по направлению военкомата отучился в ДОСААФе на водителя. По окончании курсов ему довелось поработать в родном хозяйстве на току — пора горячая, уборка. Часто потом на службе ему снились эти горячие деньки, смех сельских девчат, редкие минуты отдыха. К ноябрьским праздникам его и друзей-односельчан призвали в армию. Василий был уверен — служить будет военным водителем, но судьба распорядилась по-своему. Его и еще трех друзей-земляков направили на Дальний Восток, и служить ребятам посчастливилось на Тихоокеанском флоте. Правда, проходили школу жизни ребята в разных местах. Васе довелось служить на противолодочном корабле. «Посудина», как называли с любовью моряки свой корабль, была из разряда дизельных «старичков», что были спущены на воду до войны. Прослужил парень на этом корабле около трех лет. В БЧ-5, где проходил службу сибиряк, во время больших флотских учений, из-за серьезных перегрузок, возникла нештатная ситуация, случился пожар в машинном отделении. Он мог привести к трагическим последствиям. Но Василий с друзьями смогли ликвидировать его. Двое друзей получили значительные ожоги. Вася серьезно повредил ногу, и его стало беспокоить сердце. Потом два месяца госпиталя. Награда и списание с флота «под чистую». К майским праздникам, с тростью и боевой медалью на груди, моряк был уже дома.

Нежился на домашних перинах Василек недолго. Через три недели, уладив все формальности в военкомате, навестив друзей-студентов в городе, моряк в хорошем настроении по полной выкладке пришел на прием к директору совхоза Гурову. Встретил руководитель хозяйства парня приветливо, по-свойски, так как сам в прошлом был моряком-подводником.

— Проходи, морская душа. Проходи! Дай обнять героя и вдохнуть запах формы родной! Да ты, сынок, не скромничай! Наслышан о тебе! Да и из военкомата звонили, поведали немного, посодействовать просили. — А что меня просить! Я брат сам эту школу прошел и знаю, что боевые награды в мирное время просто так не раздают. Так что поздравляю, Василий. Теперь давай поправляйся. А трость ты напрасно в приемной оставил. Не надо этого стесняться, ты выполнил свой солдатский долг.

— Как планируешь дальше жить-поживать, моряк, — тихо спросил директор.

— Да я собственно с этим и пришел, Петр Алексеевич! Поработать бы надо, а там видно будет.

— А не рановато, сынок. Ты с этим не спеши. Здоровье дело нештучное, ты сил наберись, на пироги-

шаньги налегай. Я ведь помню, какая у Натальи Петровны стряпня знатная. Батьке по хозяйству подмогни. В город прокатись, в цирк, на футбол сходи. С девчатами погуляй! Моряк, какие у нас девчонки! Пока тебя не было, тут их столько подтянулось. Залюбуешься,— с улыбкой говорил директор.

— Знаю, Петр Алексеевич, заметил. Действительно, выросли и похорошели девчонки. Некоторых и не признать. Но не могу я дома сидеть, работать хочу, в люди,— горячо стал возражать Василий. Директор некоторое время стоял у окна и молчал, потом сказал:

— Да, моряк, видна в тебе отцовская кровь. Он тоже после ранений серьезных дома долго не усидел, на работу рвался... Хорошо, Василий. Давай поступим так. Я дам команду главному инженеру — возьмем тебя на месяц-другой в моторный цех автопарка. Я знаю, парень ты рукастый, с железом возиться любишь. Поработаешь там, притрешься. Скоро мы должны получить спецмашину, вот ты ее и примешь. Будешь водителем пока. И об учебе думай, парень, сейчас без нее никуда. Как тебе такой расклад? — улыбаясь, спросил директор.

— А вы знаете, Петр Алексеевич. Нормально. Я согласен.

— Ну, вот и славно. Доброго плавания тебе, моряк. Василий, а про девчат не забывай. И на свадьбу не забудь, пригласи.

Из кабинета моряк вышел в добром настроении и сразу направился в отдел кадров, где работала его одноклассница Любашка, чтобы уточнить детали трудоустройства.

2.

В автопарке Васю встретили как своего. По-другому быть и не должно. Знали и парня, знали его отца и всю родоу — от земли все, работающие, простые и душевные. Работалось парню легко. Это было его, все ему здесь нравилось. В начале июля в моторный цех зашел главный инженер хозяйства Забродин. Недолго пообщавшись со старшим мотористом Егоровичем, он подошел к Васе. Поздоровавшись, он сказал:

— Я, моряк, собственно к тебе. Знаю, хорошо работаешь. Как Егорович говорит — башковитый парень. Хвалит тебя. Да и молодежь поактивнее стала. Потянул ты ребят за собой. Молодец! Так и держи, служба. А теперь к делу. Завтра, Василий, тебе нужно с механиком ехать в районную «Сельхозтехнику». Подошла спецмашина, мы ее планируем пока поставить на развоз воды по мехбригадам, на отгонные выпаса, в летний трудовой лагерь и на обеспечение дальних улиц, где нет водопровода. Одним словом, работы на лето хватит. Директор сказал однозначно: «Эта машина только для Василия-моряка и никого другого не планируйте».

Спецмашина, что получил Вася, была полностью голубого цвета и с его подачи была сразу наречена «Морячкой». К ней он привязался, души в ней не чаял. Внутри кабины поместил красивые вырезки из журналов с морскими видами и кораблями. Парень стремился успевать и сильно переживал, если куда-то приезжал с задержкой. Его везде с нетерпением ждали, расспрашивали о последних сельских новостях, иногда просили что-то захватить по пути в магазине. Особенно сильно ждали его на окраинной улице Дальней, где проживали в основном пенсионеры. Бабушки непременно норовили угостить Василька стряпанным, парень не отказывался, брал понемногу из того, что давали. Он знал, что угощают от души и не хотел обидеть заботливых женщин. Мужчин в возрасте на улице было немного, забрала война проклятая, подчистила. Особые отношения у парня сложились с дедом Тимошиным. Макар Степанович был, несмотря на возраст, человеком энергичным и интересным. Он прошел три войны и не имел серьезных ранений. А вот два сына остались на полях сражений. Жил Степанович с женой, на лето приезжали внуки из города. Сокучившись по общению, он с нетерпением ждал моряка. Василий раз в неделю привозил ему небольшую канистру с бензином для его ИЖ-49. Парень неторопливо наполнял емкости водой, а дед терпеливо ждал его на лавочке у палисадника. Закончив работу, Вася брал канистру и подходил к Степановичу. Они крепко, по-мужски здоровались и закуривали. Пока старший внук Степан по указанию деда освобождал канистру, мужики говорили:

— Вот ты, Василий, парень грамотный, страну всю проехал, на Тихом океане служил. Да и вообще, не чита мне. Я-то имею за плечами церковно-приходскую школу и все. Хотя вру, мир-то я повидал тоже. Може даже поболее твоего. Ну, в мою бытность-то многого не было — какой тогда прогресс мы видели. Энтот сейчас все летат, шумит, спасу нет. А тогда и рожались тихо, жили безголосо и покидали свет божий скромненько, без шумов лишних. Так, разве колокол звякнет, когда вдогонку и все.

— Ты ответь мне на один вопрос. Вот уже целнуну пятилетку талдычат о космосе. Летают туда, как моя Марья в магазин ходит. Аппараты опять же забрасывают всяки туда. Говорят, для дела, для науки.

— А кака-така польза от того, что они там болтаются. Видел ли кто-нибудь там Создателя нашего. Где-то об этом пишут? Нет. Почему молчат, народу верущему очень даже это антиресно. Что скажешь старику?

Василий, притушив сигарету в банке с водой, что стояла предусмотрительно у скамейки, тихо сказал:

— Ну, ты, Степанович, и вывалил вопросище. У меня что, по-твоему, эти самые... университеты за плечами, где всему учат и все растолковывают за жизнь, в том числе и за космос? Конечно, все эти полеты для пользы человечества, для будущего нашего. Да и вообще.

— Вот пользы я от энтого космосу и летунов поукуда не чувствую. Вот смотри — как в соседних дереушках был свет от дизеля, так и до сих пор гоняют, и после десяти — потемки гольные.

— А телевизеров в той же Сосновке, раз-два на всю деревню. Прогресс, говоришь, а сам вот воду развозишь. Где водопроводы? Я эту хреновину в Европах когда еще видывал. А мы все с коромыслом тягаемся. А вреда то эти летуны много наделали, небо дырявят. Холод пускают. Смотри, что с погодой-то нонча стало! То засушит, то зальет, то горит все вокруг. Когда тако было? — горячо говорил старый солдат.

— Ну, ты, Степанович, даешь, при чем тут космос и полеты? Разве раньше такого не было. Я вот полевоенный и то помню, как Косматое озеро пересыхало, траву там бригады косили. А помнишь, хлеба поготели, овцы дохли поголовно? Тогда ведь в космос еще не летали.

— А это кара Божья была за грехи наши,— уже менее настойчиво стал говорить дед.

— Степанович, какие грехи наши? Ты о чем? Что вражину страшную победили, что люди сгорели в пламени войны, что сирот не счесть по стране — это грехи? Что сыновья твои стинули и не радуют вас с бабкой на старости лет? — уже горячился моряк.

— Можя ты и прав, Василек,— тихо стал говорить старик.— А все одно, за грехи это нам воздается, за братоубийство кровавое, за то, что церковь порушили и надругались над верой. Скажи, кому мешала наша церковь? — А ведь разрушили красавицу-матушку. Да, что я говорю. Ты же ее не видел, ее в тридцатых годах сничтожили нехристи — перерожденцы.

Василий понимал, что деду хотелось выговориться, излить кому-то душу, выплеснуть то, что наболело, накопилось за долгие годы в душе и на сердце. И что он был тем человеком, который подходил для этого лучше других.

3.

Теплым вечером, обеспечив водой полевые станы и закачав воды, Вася возвращался в хорошем расположении духа проселочными дорогами в родное село. Стекла были наполовину приоткрыты, в кабину врывался ласковый летний ветерок, приносящий чудесные ароматы с полей. Рядом на сидении лежал простенький транзисторный приемник, из которого звучал голос Валерия Ободзинского. Популярный певец душевно пел о любви, о глазах напротив... Эта песня усилила душевный подъем моряка и насвистывая мелодию из какого-то фильма, он подкатил к селу. Сегодня в порядке очередности его ждали на улице Зеленой. Ждали с нетерпением. Жара не особо еще донимала, но дождей не было уже две недели и без живительной влаги было тяжело и на огородах и скоту. У домика с красивыми наличниками, где жила Дарья Ерофеева, он с большим удовольствием останавливался всегда. Приветливая и словоохотливая Дарья Марковна зачастую выходила за ограду, чтобы встретить парня, поговорить, расспросить о новостях сельских. Иногда женщина выносила в свертке стряпанное. Обычно это были пирожки с различной начинкой — грибами, яйцом, капустой. Емкостей у Дарьи было немного. Набирала в основном, как она говорила, «на варево, да на чаек, да раз в неделю для баньки, на щелок». Скот после того, как осталась одна, она не держала. Так — поросеночек, да куры. Для огорода и нужд хозяйственных обходилась солоноватой водой из колодца.

На этот раз Дарья Марковна не вышла встречать парня, а вот емкостей под воду добавилось. Василий уже заканчивал заполнять пустующую тару, как из калитки вышла, нет, выпорхнула с ведрами девушка. От неожиданного появления этой русоволосой русалки парень оторопел, и вода стала бежать мимо емкостей. Взяв себя в руки, Вася продолжал работу. Он с трудом признал в этой красавице Галинку, внучку Дарьи Марковны. Вася помнит, как еще до службы, она часто летом приезжала на каникулы к бабушке из райцентра. Да и мудрено было не признать — прошло три года. Он помнит ее девчушкой — подростком, с короткой стрижкой. А сейчас перед ним появилась улыбающаяся красивая девушка, с падающими на плечи волнистыми волосами. У Василия загорелось в груди и он весело сказал:

— Боги мои морские! Что за очарование я вижу в наших краях! А тебя, Галчонок, и не признать!

— Был Галчонок! А теперь я Лебедушка! Разве не так? Привет, герой! Тебя тоже не признать. Возмужал! Крепким мужиком становишься. В тебя, моряк, сразу и влюбиться можно,— улыбаясь, ответила девушка.

— Точно, лебедь! И выплыла с ведрами как пава, и как волной морскою сразу плеснуло в сердце. Покорила! Галина, ты влюбляйся срочно! Меня ты в плен уже взяла навсегда. И искать больше никого не буду.

— А что, уже искал? Эх, моряк, не там видно искал!

— Да нет, не искал! Не до этого пока было! А теперь точно, не буду! Нашел, другой и не надо,— уже серьезно отвечал Василий.

— Смотри, моряк, ловлю на слове. Я девушка молодая, доверчивая. А за тобой пойду, вижу надежный ты. И бабушка тебя любит. Как я приехала, так только о тебе и говорит,— не то в шутку, не то всерьез сказала девушка.

Вот так с шуткой и улыбкой лучистой зарождалось чувство большое между Васильком-моряком и Галинкой. И поплыла их настоящая и светлая любовь лебедушкой-павой над землей отчей, радуя своей чистой близких и односельчан.

С этого дня они старались быть вместе. Вечерами иногда бывали на сельской танцплощадке, но находились обычно там недолго. Так, два-три танца, и ребята уходили. Оказывается, они оба не любили громкую современную музыку, эти шумовые эффекты. Им была по душе песня под гармонь или баян — простая напевно-душевная. Песня, что входила в душу, волновала ее и звала за собой, уплывая к берегу озера, за околицу. Туда и уходили влюбленные. Они подолгу бродили по песчаному берегу. В тихую ночную пору озеро

завораживало, тянуло к себе и не отпускало. Серебристая дорожка, что появлялась на озере от лунного света, покрываясь мелкой рябью, оживала и зачаровывала, будила фантазии и звала. Звала в неведомое.

Иногда Василий заезжал за девушкой и тогда они вместе ездили по бригадам и по тем местам, куда была занаряжена на этот день машина. Им было хорошо вдвоем, они были счастливы. Однажды Галина спросила:

— Вася! Бабушка говорит, что ты под настроение иногда напеваешь какую-то песню. Что это твоя песня, особенная.

— Да ну, скажешь тоже — песня. Не песня это, Галчонок, а так. Было настроение, переделал несколько строк из песенки, что услышал в кино. Теперь вот не отстаю, иногда, сам того не замечая, напеваю. Немного помолчав, нараспев продекламировал несколько строк, а потом весело пропел:

*Вот ведь, братцы, парадокс!
Был моряк — стал водовоз!
И куда мне без воды,
И не туды и не сюды!*

Девушка тихо засмеялась.

— Что правда, то правда. Ну, куда ты, моряк, без воды! А теперь и без меня. Правда, Василек? — нежно спросила девушка и, помолчав, сказала: — Слушай, моряк, открывайся до конца. Может, ты и стихи пишешь? Про любовь, про меня. А я ничего не знаю.

Василий некоторое время молча вел машину, глядя на проселочную дорогу. Потом улыбнулся и тихо сказал:

— Ты знаешь, немного пытаюсь. На флоте еще начал пробовать. Ну, накатило однажды. Вот с того времени не отпускает. Я знаю, это баловство, трата времени. Но стихи хорошие люблю. Люблю, когда слова правдой в стихах искрятся, завораживают. Так тепло и благостно на душе. Не могу я тебе свое состояние передать словами. Но так легко и чисто становится, что летать хочется и совершать только хорошее.

Парень говорил это так искренне и доверчиво, а Галя смотрела на него и думала: «А ведь я еще совершенно не знаю этого человека. С каждым днем он раскрывается для меня чем-то новым, удивляет своей чистотой и надежностью».

Василий тихо сказал:

— Посмотри в бардачке, под путевыми листами, тетрадка общая, в ней мои наброски. Только не критикуй. Ты первая, кто эту тетрадь откроет. Он стал насвистывать и смотреть в окно. Галя осторожно достала тетрадь со стихами и стала читать. Она увлеченно читала, иногда отрывалась на мгновение и смотрела влюбленно на парня. Через несколько минут она откинулась на сидении и закрыла глаза. Потом тихо сказала:

— Василек! Мой дорогой моряк. Я очень люблю стихи. Поверь мне, я кое-что в них понимаю. Или мне кажется, что понимаю. Но меня всегда волнует яркая образная строка. Отдельными строками я просто дышу. Вася, но это все стихи признанных поэтов. А вот сейчас, твои стихи меня буквально заморозили, я в них влюбилась сразу. Дорогой, веришь, это мое! Ты словно прочел мои мысли, увидел то, что дорого мне. Да, где-то они еще несовершенны, простоваты. Вася, но они волнуют, они душевны, это — правда жизни. Милый, ты просто замечательно пишешь. Я горжусь тобой. И я люблю тебя все сильнее и сильнее, — горячо говорила девушка. Галя склонила голову на плечо моряка и закрыла глаза. Он притормозил и остановился у цветущего луга. По нему пробежал, волнуя траву, легкий летний ветерок. Так они сидели и молчали какое-то время. Потом парень сказал:

— Знаешь, мне очень дороги слова, что ты сейчас сказала. Именно твои слова. Они окрыляют меня. Мне радостно, что ты что-то нашла в моих простых строчках, что они тебе понравились. Спасибо тебе.

— Васенька, дорогой, это тебе спасибо. За то, что ты пишешь. Хорошо пишешь, — горячо стала говорить девушка, листая тетрадь. Найдя нужное, она стала читать понравившееся ей стихотворение:

*Мои рассветы пахнут земляничкой,
Польнью пахнет ветер озорной.
И сны еще малиной пахнут дикой
Да серебристой утренней росой.*

— Вася, а вот это. Это же здорово:

*Смотрит в синеву печально лес,
Слезы свои золотом роняя.
А гортанный клич летит с небес,
Душу на прощанье обнимая.*

— Слушай, а это мог прочувствовать только поэт, влюбленный в свой отчий край:

*С сеновала спущусь вместе с алой зарею
И босыми ногами пройду по земле,
Красотой надышусь,
Сердце настезь открою,
Поклонюсь я с любовью родной стороне.*

Галя снова откинула голову на спинку сидения и закрыла глаза. Василий от добрых слов любимой и от того, что впервые услышал, как звучат его стихи, разволновавшись, положил голову на руль и молчал.

Галя, выпрямившись, смотрела на окружающий лес и луга, и вдруг снова тихо зазвучал ее голос:

*Пропахла память лунными ночами
И яркими кострами у озер,
И нашей юностью,
И дерзкими мечтами,
Что не дают покоя до сих пор!*

— Все именно так, дорогой мой моряк! А теперь, «Морячка», вперед! — весело скомандовала девушка и хлопнула ладошкой по панели кабины.

4.

Василий закачивал воду в основном из котлована, что соединялся с озером Лебяжьим, так как вода здесь была вкусной и пригодной для питья и приготовления пищи. Вода никогда не «цвела» и не застаивалась, по причине того, что в нем «жили» родники, как говорили на селе. Здесь негласно запрещалось купаться, рядом мыть технику. Единственное, что разрешалось — это рыбачить. Карась в нем был отменный. Парень иногда ставил пару сетей и через день — другой проверял их. В дальнем северном углу озера, где берег вплотную соприкасался с большим непроходимым болотом, ежегодно селились лебеди. Вася, пока работал насос, подавая воду в цистерну, закуривал, садился на капот машины и любовался красотами и водной гладью. Иногда он видел грациозно плавающих лебедей, особенно чудно смотрелась пара в период восхода и заката.

Моряк однажды не поленился и после того, как поставил сети, сплавал в дальний угол. Ему было интересно. К гнездовью он подплыл осторожно. Недалеко от уреза воды, прикрытая просматриваемой стеной камыша, виднелась довольно приличная площадка, и на ней возвышалось гнездовье. Видимо давно облюбовали это место лебеди, не одно поколение белых красавцев встали отсюда на крыло, — подумал тогда парень. Он услышал за стеной камыша возню и голоса взрослеющих птенцов. Родителей, скорее всего в это время не было, и парень сразу же отплыл подальше от гнездовья.

Однажды летним вечером, приехав за водой очередным рейсом, Василий услышал над озером тревожный крик лебедя. Заглушив машину, он торопливо прошелся по насыпи ближе к берегу, где котлован подходил вплотную к озеру и соединялся с ним. На воде, недалеко от берега, парень увидел беспокойно плавающую самку. Рядом с ней плавали трое приличных уже малышей. Еще двое запутались в чьих-то сетях, что и было причиной беспокойства родителей. Немного постояв, парень отбросил сигарету и решительно пошел в сторону лодки. Он через узкий короткий проход быстро выплыл на водную гладь и направился к попавшим в беду малышам. К его удивлению лебеди-родители спокойно восприняли приближение человека. Гортанный крик в небе прекратился. Самец кружил над озером молча. Самка-мать, чуть отплыв с выводком, наблюдала за действием человека. Вася быстро освободил из плена птенцов, что не успели еще сильно запутаться в сетевом полотне. И они, лихорадочно махая крылышками, практически побежали по воде в сторону матери и братьев. А самец несколько раз пролетел над лодкой и опять прокричал. Но это уже был крик не отчаяния, это был голос благодарности.

Впоследствии они подружились. Вася иногда привозил вареную картошку, которую разминал и разбрасывал на воду. Иногда он просил у бригадных поварих немного черствых кусочков хлеба и ими баловал белых красавцев и их подрастающее племя. Они уже безбоязненно подплывали близко к берегу и лакомились дарами.

5.

Знойно-жарким выдалась вторая половина лета. Конец июля и начало августа «жарило» так, что пересохли небольшие водоемы и котлованы. Ушла вода и из колодцев на улицах, что находились в отдалении от деревенского озера. Вода в нем хоть и горько-солонатовая, но спасала в такую жару табуны личного скота. Трава повсюду пожухла, загрубела. Крупные стебли ломались с треском, как сухие палки. Порывы поднимающегося ветра-суховея гоняли пыль по большакам и улицам. После машин шлейф пыли растягивался на сотни метров и долго не оседал. Все живое тянулось к воде, нуждалось в живительной влаге. Но дождя не предвиделось. В жару да под горячими ветрами быстро подошли озимые. Уборку начали раньше на две недели. Работы для Василия значительно прибавилось. Тракторы-колесники, что с прицепными бочками вес-

ной и летом обеспечивали нужды животноводства и части деревень, были сняты на заготовку силоса и сенажа, на вывозку сена. Техника требовалась в строительных бригадах — шел ремонт и строительство животноводческих помещений. А тут следом подошли и яровые. Одним словом — «наступление по всем фронтам». Вася стал уставать, в такую жару чаще беспокоило сердце. Хорошо, что Галка на две недели уехала по своим делам в город. Он сильно скучал по девушке. Они за это время стали близки во всех отношениях, их чувства стали еще ярче и прочнее.

Однажды Василий возвращался с дальних отгонных пастбищ и попутно завернул к стоящим неподалеку комбайнам. Это было самое удаленное поле не только от стана, но и от села. У комбайнеров был небольшой технологический перерыв — шла дозаправка горючим, смазка основных узлов, натяжка ремней. Отсюда они двинутся на соседние поля. Жаркая погода и висевшая духота никак не отразились на настроении комбайнеров. Мужики курили, шутили, подначивали молодежь. Некоторые устроили перекус. Когда Вася на «Морячке» остановился, у комбайнеров был один вопрос:

— Как у тебя с водой, моряк?

Он весело отвечал:

— Воды море, ребята. Специально оставил побольше для вас, так что заполняйте по полной и корабли свои и все емкости. Даже освежиться можете, только смотрите, чтобы всем хватило. Эти слова моряка были встречены возгласами одобрения. Комбайнеры понесли к водовозке «лагушки», термоса, ведра, а некоторые стали стягивать на ходу просоленные потом рубашки.

Вася прилег в сторонке и наблюдал, как взрослые, уже седые мужики, ведут себя и резвятся словно дети. И парень улыбнулся от того, что он доставил своим землякам радость. Тепло простившись с мужиками, снова вырулил на большак. Он стал что-то насвистывать, настроение было замечательное. А все от того, что дело нужное делает, что услышал скупые, но искренние слова благодарности в свой адрес. И что все складывается сейчас как нельзя лучше. Он ехал и думал о девушке, что полюбил и без которой уже не мыслил своей дальнейшей жизни. Неделю назад они договорились, что после уборки поставят в известность родителей о предстоящей свадьбе, а на Новый год поженятся.

Проехав по большаку лесом несколько километров, машина выехала на простор. И Василий сразу заметил в отдалении клубы седого дыма. Шлейф его поднимался и стелился над изнывающей от жары окрестностью.

— Горит где-то в районе «Митрофановых штанов», — подумал парень и прибавил скорость. Посмотрел в зеркало заднего вида, но там из-за огромного хвоста пыли ничего не было видно. «Митрофановы штаны» — так земляки называли место, где до революции была заимка и земли купца Митрофанова. Место было дивное. Рядом под рукой небольшое озерцо, которое, правда, сейчас практически заросло, превратилось в болото. Осталось два копеечных блюдца воды. Почему «штаны»? Да потому, что от места, где стояла когда-то заимка, примыкающая к небольшому березовому лесочку и озерцу, расходились две проселочные дороги, две «штанины», как образно их окрестили сельчане. А между ними были пахотные наделы купца. Впоследствии земли эти обрабатывал совхоз. Но вот уже года четыре-пять, после поднятия залежных земель, клочок этот забросили, бригады ушли на большие площади. Правда, полевой стан, что был здесь разбит в период коллективизации, оставили. Место-то удобное. И до села рукой подать, поля и отгонные выпаса под боком. А главное — вода. Пусть и немного ее, зато все лето рядом. Вот там, в стороне стана и горело.

У парня пульсировало в голове:

— А ведь там техника, сеялка, горючка, постройки. И стан вроде как с весны не опухан, а через дорогу поле хлебное. К полевому стану моряк буквально подлетел. Выскочив из кабины, Вася торопливо взобрался на бочку и стал оценивать обстановку. К нему, сжирая на своем пути сухую траву, расширяясь, катился мощный огненный вал. Он уже приближался к стоящим в траве технике, сеялкам. Рядом с большой емкостью, что возвышалась на невысоком рубленом срубе, стояла тракторная телега, на которой находилось несколько бочек с горюче-смазочными материалами. Видимо поставили ее недавно, еще неделю назад Вася не видел телеги. И кругом сухая примятая трава и тоже бочки. Земля вокруг была пропитана отработкой и соляркой.

— Если все это полыхнет, беды не миновать! И хлеба рядом! А огонь, подгоняемый ветром, катил именно сюда. Моряк, не разворачиваясь, быстро подъехал к телеге. На крюк переднего бампера ему удалось надеть ее дышло. Он быстро оттянул телегу с опасным грузом на чистое место к основной дороге. Огонь подступил к стану вплотную. Уже горел летний навес, пламя лизало своими жадными языками большой обеденный стол и скамейки. По траве и пропитанной земле юркими змейками огонь настойчиво полз к бригадному деревянному дому, где во время полевых работ жили люди. Делать что-то одновременно везде парень был не в силах. Он знал, что в его цистерне есть еще немного воды. Задним ходом он подъехал к постройке, скинул на землю шланг и стал поливать землю рядом с домиком и его стену. Ему удалось в этом месте умирить огонь. Огрызаясь, огонь медленно умирал, пожирая остатки пропитанной травы.

Не поднимая с земли шланг, моряк медленно поехал по краю травы в сторону хлебов, разливая остатки воды на землю. Ему удалось дважды проехать по одному и тому же месту. Василий знал, что огонь споткнется на этой преграде, а рядом дорога, она не пустит его дальше. Он отогнал машину к самому большаку. Выскочив из кабины, увидел, что со стороны дальних полей поднялась пыль, это мужики-комбайнеры спешили на помощь.

Василий снова бросился к полевому стану. Там огонь хозяйничал уже вокруг сеялок, жадно лизал бочки с горючим, изрыгая черный едкий дым. Увидев около летнего погребка две фляги с водой, парень бросился к ним, торопливо налил в стоящее рядом ведро воды, опрокинул на себя, на ходу поднял обрезок железной трубки и подбежал к горящим бочкам. Он стал быстро их простукивать, они почти все были с горючим. Вася стал лихорадочно ронять бочки. Обжигая руки, он старался откатить их. Вот одна, вторая... Когда он подбежал в очередной раз, бочка, что была закрыта деревянным кляпом, выплеснула на моряка гремучую смесь. Рубашка на нем загорелась мгновенно. Превозмогая боль, уже плохо соображая, ему удалось откатить еще одну полную бочку. Когда подъехали механизаторы, моряк с обгоревшими руками катался по земле недалеко от потухших и почерневших бочек и стонал.

Его не довезли даже до села. Моряк умер, не приходя в сознание. Как потом сделали заключение медики — остановилось сердце.

6.

Прощались земляки с Васильком в новом Доме культуры, который был набит до отказа. Здесь были и взрослые и дети, пришло много стариков. Гроб находился в большом фойе здания. У стены стоял небольшой стол, покрытый красной тканью. С портрета на собравшихся смотрел улыбающийся Вася в морской форме. Рядом с портретом лежала коробочка с боевой наградой, его бескозырка и несколько медалей и значков, что парень получил за победу в спортивных соревнованиях еще на гражданке и на флоте. Вдоль стен и у стола было множество венков с траурными черными и красными лентами. Почетный караул из числа учеников школы и солдат, прибывших на прощание под началом военного комиссара, менялся через десять минут. Висела гнетуще-давящая тишина. Взрослые мужики-селяне стояли, опустив головы, словно винули себя за гибель этого замечательного парня, их земляка.

В этой повисшей давящей тишине присутствующие услышали приглушенный, словно треснувший, голос директора совхоза:

— Земляки мои дорогие! Друзья и соратники! Последний раз я плакал давно, когда мы с мамой получили похоронку во время войны на старшего брата, которого я сильно любил, он был мне за отца. Но тогда моих слез не видел никто. Я уходил за поскотину и там давал волю своим чувствам и слезам. Сегодня я не стесняюсь своих слез. Я потерял не только замечательного работника, комсомольского вожака крупного производственного подразделения. Я потерял близкого по духу мне человека, надежного младшего товарища. Спасибо вам, дорогие Семен Григорьевич и Наталья Петровна, за такого сына — героя. Ваше горе ничем не утешить. Но мы в этом горе с вами. Спасибо! — И Гуров поклонился родителям. Потом подошел к гробу, тихо сказал:

— Прощай, моряк! Прости, что не смогли предотвратить беды, не спасли тебя! Прости! И все увидели, как у директора по посеревавшему за эти дни лицу, потекли слезы. Говорили о Васии школьные учителя, его одноклассники и друзья. Скорбь и боль, любовь и преклонение перед подвигом — это объединяло выступающих.

Перед выносом гроба школьный духовой оркестр тихо заиграл траурную мелодию. Постаревшая Наталья Петровна склонила седую голову к гробу и плача шептала:

— Василек, мой Василек! Сыночек! Кровинушка моя единственная. Ну за что нас судьба покарала так жестоко? Почему отняла тебя? Кого спросить, кого винить! Почему мы не испытали полного родительского счастья. Не порадовались твоей жизни, не показали внуков! Потом она обняла Галину, что будто раздавленная, сидела рядом с ней и своей матерью и тихо сказала:

— Ну вот, Лебедушка, ты наша ненаглядная. И остались мы одни, совсем одни на земле этой. Нет больше моего соколика, а твоего голубоглазого любимого. Сгорел наш цветочек. Нет больше Василька! Как с этим жить, — и она на мгновение замолчала. Потом так же тихо, но твердо сказала: — А ты живи, Галочка. Живи! Все пройдет! Живи и радуйся жизни. Памятью живи. Нас навещай. Все нам с отцом легче будет. — И она погладила девушку по черному платку, что был у нее на голове

Галина так же тихо сказала:

— Да, жить надо. И мы будем жить. И не одни мы, мама, остались. У нас с Васей будет ребенок. Его сын, ваш внук. Он будет носить вашу фамилию, а имя — отца-героя. И по-другому не будет!

Лицо Натальи Петровны на мгновение словно озарилось светом. И, грустно улыбнувшись, она обняла девушку и сказала:

— Спасибо, дочка! Спасибо, родная! Теперь нам легче будет жить!

Когда печальная процессия приближалась к сельскому кладбищу, с озера поднялась стая лебедей. Конечно, это были не Васины лебеди-друзья, это были лебеди с севера. Здесь они сделали остановку на короткий отдых. А сейчас, поднявшись навстречу стоявшему в зените солнцу, они торопились на просторы Северного Казахстана, где сделают длительную остановку, чтобы подкормиться на обширных целинных полях, набраться силы на степных озерах, чтобы потом большими дружными косяками лететь к теплым местам зимовки. Земляки Василька, кто знал его историю с лебедями и их дружбе, поднимали головы и тихо со слезами говорили:

— Смотрите! Смотрите! Василька лебеди проститься прилетели!

А лебеди с клекотом, низко пролетев над людьми, стали набирать высоту. Потом сделали разворот и

вернулись еще раз к озеру. Затем стройным клином проплыли над кладбищем, куда втягивалась траурная колонна. Лебеди словно действительно прощались с героем-моряком.